

САТИРИКОНЪ

1910

еженедѣльное издание

№ 47

III ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ—6 руб.; на полгода—3 руб.; на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп.
Контора и Редакція журнала „САТИРИКОНЪ“: Спб., Фонтанка № 80. Телеф. 524-62.

20 НОЯБРЯ 1910 г.

Новосиб. обл.
научная
библиотека

СКОРБЯТЬ.

Толстый:—Да! съ каждымъ днемъ чувствуешь все больше и больше эту великую потерю! Раньше, когда сомнѣнія терзали душу и утрачивалась вѣра въ добро, немедленно ѣдешь въ «Ясную поляну», а потомъ и начинаешь:— «Великій писатель земли русской, опять боленъ. Вся мыслящая Россія пусть благословитъ овсянку, которая...» Эхъ! хорошо было...

Тонкій:—Глядишь, строкъ двѣсти и набѣжить... незамѣнимая утрата!

Рис. А. Радакова.

Новосиб. обл.
научная
библиотека

Рис. Миссъ.

БЛАГОПРЯТНАЯ ПОЧВА.

— Ну, какъ ваша новая квартира?
— О! Мужъ мой нанялъ такую сырую, неудобную, холодную, что—я боюсь,—какъ-бы въ ней скоро не завелись... ну... эти, какъ ихъ... любовники!

ЛУНАТИКЪ.

Не могу закрытаго взора
Оторвать отъ блѣдной луны,—
На лунѣ застывшія озера
И поля холодной тишины.

Трепещутъ лунныя крылья,
Исчезаетъ тѣло, звеня,
Но не въ силахъ блѣдныя усилья
Оторвать отъ крыши меня.

Шумятъ душистыя липы,
Рубашка бьетъ по плечамъ...
Лунные лучи, какъ липкіе полипы,
Присосались къ плачущимъ очамъ.

Скользятъ застывшія ноги,
Листы гремятъ и гудятъ —
Полъ шага направо отъ дороги
И слетѣлъ-бы внизъ въ далекій садъ!

Сажу у трубы—безсонный,
О спину трется котъ...
Соловьи свистятъ неугомонно,
Теплый вѣтеръ жалобно поетъ.

Внизу постель моя смята
И дышетъ моимъ тепломъ,
Но туда мнѣ больше нѣтъ возврата...
Какъ сойду со сломаннымъ крыломъ?

Не могу закрытаго взора
Оторвать отъ блѣдной луны, —
На лунѣ застывшія озера
И поля холодной тишины...

Саша Черный.

ПЛЮМАЖЕВЪ—РЕВОЛЮЦИОНЕРЪ.

12-го Ноября въ 12 часовъ дня депутатъ Симеонъ Плюмажевъ рѣшилъ прогуляться и подышать на Невскомъ проспектѣ свѣжимъ воздухомъ.

Шагая въ глубокой задумчивости (онъ размышлялъ о величии Россіи), Симеонъ Плюмажевъ услышалъ вдругъ какіе-то крики, дѣніе, гулъ, приостановился—и ахнулъ: изъ боковой улицы хлынула на Невскій громадная толпа студентовъ, которые бодро шагали

съ пѣніемъ «Вѣчной памяти» и флагами въ рукахъ... На флагахъ можно было разобрать только одно слово:

— Долой...

Сердце Симеона Плюмажева забилося со страшною силой. Онъ прижалъ руки къ груди потомъ взмахнулъ ими и бросился бѣжать въ припрыжку рядомъ со студентами, пронзительно крича:

— Бей ихъ! Колоти! Руби!!!

— Чего вы орете,—строго остановилъ его студентъ.—Кого бить?

— Этихъ вотъ... полицейско-бюрократическій режимъ.

— Съума вы сошли? Мы дѣлаемъ мирную скромную демонстрацію, а вы кричите глупости.

— Не довѣряете?—обиженно скривился Симеонъ Плюмажевъ.—Да-а... Впрочемъ, вы имѣете основаніе не довѣрять. Дѣйствительно! Въ сущности, что мы сдѣлали въ Думѣ для васъ? Рѣшительно, ничего. Гм.. Давно вы это начали?

— Что?

— Да это вотъ.

— Сегодня.

— Послушайте... — дѣловымъ тономъ спросилъ Плюмажевъ.—А каково соотношеніе силъ... э?

— Не понимаю васъ.

— Ну, да... не понимаете! Баррикадочки, небось, уже начали складывать?

— Убирайтесь къ черту.

— Да поймите-же, что меня не надо бояться. Вѣдь я свой. Это я такъ только все время представлялся, что не свой... А я свой. Товарищъ, одолжите на минуточку вашъ черный флагъ.

— Зачѣмъ вамъ?

— Поношу. Я вамъ потомъ отдамъ. Я не какойнибудь жуликъ. Господа! Прошу васъ убѣдиться: я собственными руками держу этотъ флагъ.

— Ну, такъ что-же изъ этого?

— Ну, какъ же... Сегодня флагъ, завтра баррикадочку—смотри оно все и сдѣлано... Мы сразу не можемъ. Мы люди стараго закала.

— Вотъ дуракъ!

— Или провокаторъ, или дуракъ, или сумасшедшій...—сказалъ кто-то изъ толпы.

— Господа! Грѣхъ вамъ... Эхъ! Это молодость моя воскресла... Мои порывы... Помню, въ Карасубазарѣ...

Лицо Симеона Плюмажева сіяло одушевленіемъ... Глаза сверкали, какъ свѣтляки въ душевой, лѣтней тѣмѣ. Онъ схватилъ древко флага, судорожно сжалъ его и крикнулъ:

— Товарищи! Давайте умремъ! Сдѣлайте меня вашимъ, какъ это называется... атаманомъ!

Онъ взмахнулъ флагомъ и сразу опустилъ его: сбоку, въ двухъ шагахъ напирала неожиданно вынырнувшая изъ толпы шеренга пѣшихъ городовыхъ, съ самыми рѣшительными суровыми лицами.

— Товарищи!—крикнулъ Симеонъ Плюмажевъ.—Товар...—голосъ его на мгновение перехватил.

Но сейчасъ же онъ оправился.

— Товарищи городовые!—крикнулъ онъ бодро.—Позвольте вручить вамъ этотъ флагъ! Я отбилъ его сейчасъ у этой кучки безшабашныхъ враговъ нашего дорогого отечества!

Онъ схватилъ городского за рукавъ и возмущенно заговорилъ:

— А? Какъ вамъ это понравится? Изъ-за этихъ паршивцевъ скоро уже нельзя будетъ ходить по Невскому... Флаги?! Революціи?! Всыпать имъ хорошенько горяченькихъ забудутъ всякія революціи... Господинъ городской! Прошу васъ: выведите меня изъ этой порочной толпы. Я членъ Государственной Думы... Октябристь! Я не позволю...

Городовой взял его за руку и повел за собою. Симеонъ Плюмажевъ бодро семенилъ около и возбужденно говорилъ:

— Иду это я по улицѣ—вдругъ: толпа, черные флаги. Что? Почему? Взорвало меня! «вы какъ смѣете, такіе-сякіе...»

Лицо его сіяло одушевленіемъ. Глаза сверкали, какъ свѣтляки въ душной лѣтней тѣмѣ...

Тома Опискинъ.

ФИЛОСОФІЯ ПОДЪ ЗАБОРОМЪ.

(басня).

Онъ шелъ «въ подшитіи»... Листовъ сентябрьскихъ рой
Надъ головой
Кружился

И съ тихимъ шелестомъ у ногъ его ложился.
И молвилъ онъ: «О, горе! Протекло
Все то, что ранѣ протекло...
Синѣющихъ небесъ прозрачное стекло
Грядю тучъ заволокло...
Въ глазахъ—темно. Въ мозгу—обрывки дыма,
И нѣтъ въ карманѣ ни сантима.
(Сіе особенно для сердца тяжело!..)
О, сынъ, обманутый безчестною судьбой,
Истерзанный ея неправымъ приговоромъ,
Умри, какъ тѣ листья, что рѣютъ надъ тобой
И кротко истлѣваютъ подъ заборомъ!..»
И тотъ же часъ, болтувъ ногой горѣ,
Улегся и... помрѣ...

Устроены мудро свѣтъ. Ничто не чуждо тлѣнья,
Но даже и сіе досадное явленье
Благослови, почившій въ сентябрѣ:
Затѣмъ, что въ немъ—для почвы удобренье...

Ив. Кузьм. Прутковъ.

Рис. Ре-Ми.

ЖЕРТВА МОДЫ.

Актеръ:—Прибавьте мнѣ жалованье!
Антрепренеръ:— Это еще почему?
Мода меня раззоряетъ! Теперь носить открытые жилеты, такъ что сорочку мѣнять приходится чуть не каждую недѣлю.

КОЛОМБИНИНА МАНСАРДА.

Не скрывайте, вы бывали
Въ новомъ домѣ на каналѣ?
Если были—очень жаль.
Ну, а если не бывали,
Не ходите—нѣтъ печали
Такъ придетъ еще печаль.
Въ этомъ домѣ, всѣмъ извѣстно,
Ну, совсѣмъ не интересно,
Домъ, обыкновенный домъ.
Стѣны сѣры тамъ и хмуры,
Ни чудесъ архитектуры,
Ни искусства нѣту въ немъ.
Если-жъ все-же вы пойдете
И на верхнемъ поворотѣ
Темной лѣстницы, въ углу,
Повстрѣчаете дѣвицу,
Разодѣтую въ кунуцу,
Не давайтесь въ руки злу.
Вы за нею не ходите,
Въ дверь квартиры не стучите
И не дергайте звонка.
Если-бъ даже вамъ открыли
Не давайте черной Милѣ
Вы на чай четвертака!
А, какъ слѣдуетъ, ругните,
Что-бы не имѣла прити
Незнакомымъ отворять,
Ибо я сейчасъ открою
То, что, вѣдаясь со мною,
Вы не смѣете не знать.
Въ этомъ домѣ на каналѣ,
Гдѣ еще вы не бывали,
(А бывали—очень жаль)
Есть мансарда Коломбины.
Это поводъ и причины
Вамъ не вѣскіе едва-ль!
Если-жъ вамъ они не вѣски—
То давайте будемъ рѣзки,
Вы готовы?—Я готовъ.
Коломбина мнѣ невѣста!
Назначайте часъ и мѣсто
На смерть! На восемь шаговъ!

Потемкинъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

(мелочи журналистики).

По случаю смерти Толстого «Петерб. Газета» произвела анкету «Значеніе Толстого».

И вотъ что было сказано:

К. Маковскимъ.—Для искусства Толстой давно умеръ и смерть его, какъ писателя (?), не представила-бы въ настоящее время потери... Не въ обиду будь сказано моимъ коллегамъ: я не видѣлъ ни одного хорошаго портрета Толстого.

То-ли дѣло, если-бы К. Маковскій написалъ!!

К. Варламовымъ.—Что за роскошь «Плоды Просвѣщенія»! А уходъ старика... Ушелъ отъ людей, а они, окаймные, всѣ за нимъ!.. Это совсѣмъ, какъ семнадцать фиакровъ въ «Соломенной шляпкѣ» Лобиша.

Мѣткое сравненіе. Какъ двѣ капли воды.

Дальше—нѣсколько Колумбовъ садятся на каравеллы и открываютъ рядъ цвѣтушихъ Америкъ.

Н. Д. Шубинъ-Поздѣевъ.— Я думаю, Толстой покинулъ свой домъ вслѣдствіе того, что ему жить тамъ стало невозможно.

Драматургъ Невѣжинъ.—Толстой несомнѣнно самый величайшій изъ современныхъ общественныхъ дѣятелей.

Что касается пьесъ Толстого, то Невѣжинъ сказалъ:— Техника у него слабая.

И вѣрно. Какъ хорошо было-бы, если бы портреты писалъ только Маковскій, а пьесы исключительно П. Невѣжинъ.

Тонкое сравненіе сдѣлалъ Маминъ-Сибирякъ:

— Сравните Тургенева съ Львомъ Николаевичемъ. Первый—сорока на колу, вѣчно вертѣвшаяся за границей, а Толстой—настоящій черноземъ литературы.

Это называется «выявить покойника».

Когда умеръ Маркъ Твенъ, нѣкоторыя газеты ругательно изругали... Джерома К. Джерома. Умереть—не дай Богъ ему этого — Леонидъ Андреевъ—то-то попадетъ Куприну!

Ахъ! Сколько нынче русскихъ сорокъ на колу вертятся..!

*

Официальная Россія отнеслась къ смерти Льва Толстого не менѣе тепло и вдумчиво.

Провинціальную администрацію обуяло вдругъ самое искреннее неподдѣльное веселье.

Въ Одессѣ Толмачевъ настойчиво потребовалъ, чтобы театры «функционировали», въ Харьковѣ вице-губернаторъ, большой любитель зрѣлищъ, приказалъ городскому драматическому театру играть, а когда съ актеромъ Бороздинымъ приключилась истерика—махнулъ рукой и помчался изъ драматического театра въ кабаре «Голубой глазъ».

— Не играете? Это еще что за штуки?! Играйте! Обязательно, играйте.

Съ актрисой «Голубого Глаза» тоже приключилась истерика.

Вице-губернаторъ махнулъ рукой, заплакалъ отъ досады и вечеръ закончилъ уже въ синематографѣ.

— Вотъ это вещь!—могъ сказать онъ.—Ни съ одной картиной истерики не приключилось.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ собраніе портныхъ, узнавъ о смерти Толстого, рѣшило разойтись.

И произошелъ безпримѣрный случай: полицейскій не разгонялъ собранія, какъ это принято, аташилъ на собраніе.

— Да мы не хотимъ собираться,—упирались портные.

— Нѣтъ, вы соберетесь! Вы у меня соберетесь, черти портняжные.

— Да мы уже кончили обсужденіе.

— Обсуждайте еще чтонибудь!

7-го ноября въ Сормовѣ, въ общественномъ собраніи былъ благотворительный спектакль. Устроители и старшины клуба хотѣли отмѣнить по случаю смерти Толстого танцы, которые предполагались послѣ спектакля. Присутствовавшій на спектаклѣ балахнинскій исправникъ Вукуловъ заявилъ, что если танцы изъ-за Толстого будутъ отмѣнены, то онъ арестуетъ и старшинъ клуба и устроителей.

— Да мы не хотимъ танцевать.

— Нѣтъ, вы у меня затанцуете... Музыка, играй!

Музыка заиграла, но публика усѣлась по стѣнамъ и, не двигаясь, молча, задумчиво поглядывала на исправника Вукулова.

— Танцуйте! Эй, старшина! Пусть они танцуютъ...

— Да что-жъ ихъ за шиворотъ тащить, ваше благородіе?.. Вѣдь танцы, извѣстно что—танцы, это когда весело...

— Такъ пусть веселятся!

— Да ежели невесело!

— Не весело? А вотъ я васъ сейчасъ развеселю.

Эй, стражники! Хватай, этого высокаго. Перебирай ему ноги! Музыка, играй!! Сгибай его направо... Ноги, ноги выше ему подымай! Поддай, граци. Тра-ля-ля-ля, ля-ля! Брамъ-ба-ра-рамъ!... Ру-ру-ру!..

Такъ «праздновала» великая страна смерть великаго писателя.

*

Одна петербургск. газета такъ описываетъ балъ Рождественскихъ курсовъ.

Присутствовали: м-ль Лавр—ова (вечерній туалетъ), м-ль Цебулев—ская (изысканный костюмъ), м-ль Шпир—ко (бальное платье) и м-ль Колод—ежинская (вечерній нарядъ).

Такъ эти четыре дѣвицы и различались: у одной вечерній туалетъ, у другой вечерній нарядъ... Но царницей между ними была вторая дѣвица: на ней былъ ни вечерній, ни бальный, ни нарядъ, ни туалетъ, а:

— Изысканный костюмъ!!!

Остальныя много плакали.

*

Вотъ какъ отзывается одесскій журналъ «Дивертисментъ» о какой-то шансонетной нѣвицѣ Регинѣ:

Царственная, величественно-гордая фигура, такъ и просящаяся подъ рѣзецъ скульптора, прелестное лицо, на которомъ ярко свѣтятся большіе, томные, бархатные глаза, нѣжный и вмѣстѣ съ тѣмъ гармонически нѣжный (?), ласкающій душу голосъ,—все это, въ связи съ врожденной интеллигенціей (!) и глубокимъ артистическимъ чутьемъ, дѣлаетъ ее артисткой крупнаго калибра, первенствующей величиной, звѣздой яркаго и самобытно-могучаго таланта.

Такія краски на своей палитрѣ можетъ найти только природный одесскій крупнаго калибра, въ связи съ фигурой, просящейся подъ рѣзецъ и «врожденной интеллигенціей».

И далѣе—пишетъ онъ такъ-же нѣжно и, вмѣстѣ съ тѣмъ—гармонично-нѣжно:

И каждый, кому дороги успѣхи русскаго искусства, долженъ чувствовать неподдѣльную радость отъ растущей все болѣе и болѣе извѣстности Регины за границей, ея мирнаго завоеванія европейцевъ.

Самобытный и оригинальный талантъ Регины не уживается въ рамкахъ обыденнаго шаблона, а ищетъ новыхъ, оригинальныхъ и своеобразно-чарующихъ формъ. (!!!)

Такъ, между прочимъ, артистка рѣшила исполнять свои дивныя пѣсни въ роскошномъ стильно выдержанномъ великорусскомъ нарядѣ.

Можно представить себѣ, какимъ дивнымъ сочетаніемъ и гармоніей будетъ соединеніе изящества и красоты артистки съ этимъ стильнымъ, сплошь усыпаннымъ брилліантами сарафаномъ и кокошникомъ!

Это будетъ русская красавица въ полномъ смыслѣ слова.

Да, это яркая звѣзда, артистка, прелестнѣйшая женщина!

— О!—какъ заканчиваютъ въ Одессѣ.

Въ томъ-же номерѣ «Дивертиссента» помѣщена оригинальная бесѣда съ «первымъ евреемъ-авиаторомъ Райгородскимъ»:

— Родился я,—говоритъ летунъ,—въ гор. Гайсинѣ и прошло 26 лѣтъ пока я задался цѣлью осуществить свое желаніе и стать авиаторомъ... Я очень интересовался побѣдами надъ воздухомъ и, въ то же время, искалъ выходы обязательно стать авиаторомъ...

Далѣе—лирика:

«Подымаясь въ высь, я ощущалъ хрустальное (?) море воздушнаго пространства, ласкающее меня въ своихъ невидимыхъ волнахъ. Подымаясь выше, у меня душа замирала отъ радости и красоты, глядя на неограниченную природу (!) которая, какъ будто, подчинилась мнѣ и наблюдаетъ безмолвно за каждымъ моимъ движеніемъ, предостерегая отъ слишкомъ смѣлыхъ маневровъ въ воздухѣ, съ которыми человекъ еще не заключилъ капитуляцію и что нападеніе можно ожидать постоянно.

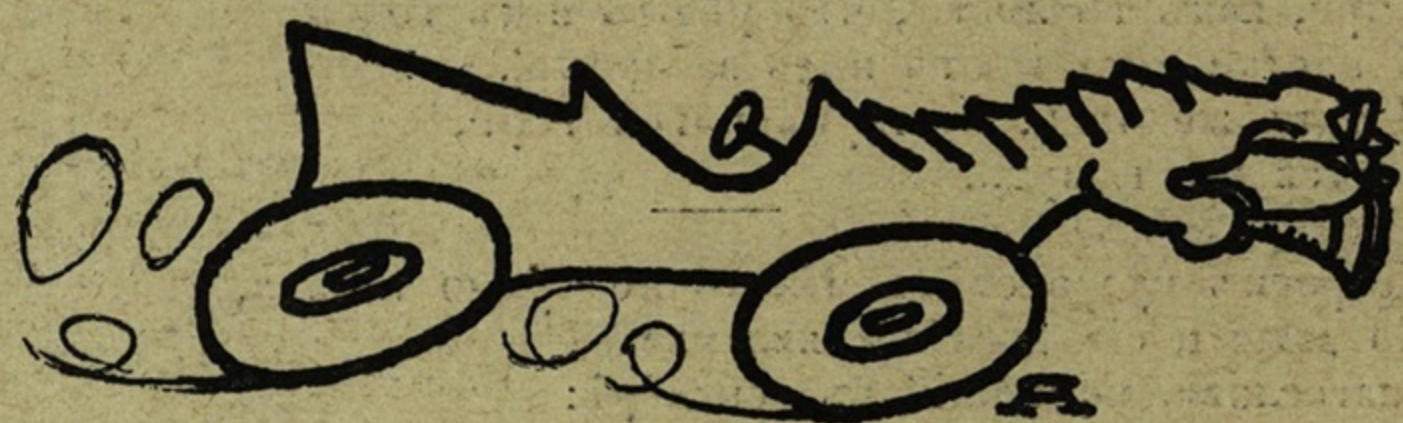
Спускаясь на землю и взглянувъ на послѣдній поворотъ винта, я чувствовалъ совсѣмъ обратное:

Мнѣ казалось, что меня разжаловали изъ генерала въ рядовые и что теперь кругомъ, все не красиво, не привѣтливо, благодаря всему шуму окружающаго тебя, «матеріальнаго» міра... Очутившись, наконецъ, въ Одессѣ и т. д.

Далѣе—чистая философія:

— Если его смерть (Маціевича) дѣло его-же рукъ, то я его (?) раздѣляю, такъ какъ перечувствовалъ то, чего многіе миллионы людей не въ состояніи даже понять, и, быть можетъ, страдавшій много, онъ не понятый толпой ушелъ. Вѣдь не въ жизни красота, а въ пониманіи ея, а, понявъ ее, нужно уйти отъ этого зла.

Ахъ, Одесса, Одесса!

ПОЭТЫ

«Все закаты да закаты», проворчалъ редакторъ Ъдко:

«И хотя бы кто случайно притащилъ одинъ восходъ.

«Да-съ, живое дарованье можно встрѣтить, очень рѣдко.

«Нѣтъ! Скажите мнѣ: восходы развѣ разъ бываютъ въ годъ?»

Я молчу. Восходы часты. Каждый день поутру солнце Вылѣзаетъ изъ берлоги, потирая правый бокъ, И, навѣрно, взглядомъ скосымъ, черезъ пыльное оконце Упираясь въ лежанку, золотитъ обоевъ клочъ,

Подъ навѣсомъ по навозу бродитъ вмѣстѣ съ черной курой, Ловить ухомъ сколь цыплята жизнерадостно пищать, Какъ стучитъ по загородкѣ хвостъ коровы злобно-хмурой,— Но не знаетъ, что подъ утро всѣ поэты сладко спятъ.

«Мнѣ понятнѣй ужасъ смерти», отвѣчаю я тягуче: «Чась рожденья тайны свѣтлой не моей душѣ объять...» А редакторъ, покопавшись на столѣ въ бумажной кучѣ, Въ чьей то рукописи робкой переправилъ е на Ъ.

А. С.—нѣ.

СЕЛЬСКІЕ ПЛАЧИ.

4. осень.

Съ синими ведрами синяя баба Тянется въ гору, крихтитъ. Жутко похожа на синяго краба... Кашель ей горло когтитъ.

Маленькій, бѣлый, босой, свѣтлоокій Въ поле къ коровамъ бѣжитъ. Ястребъ невидимый, лапой жестокой,— Кашель—и гнетъ и когтитъ.

Будто двѣ птички, двѣ дѣвочки сѣли Къ окнамъ, на мягкій навѣсъ. Въ горлышки птичьи, въ двѣ нѣжныя щели Кашель Настырный залѣзъ.

Старый пѣтухъ кукурекнутъ не можетъ, Хрипъ у свиньи, а не хрюкъ. Ржетъ на отавѣ несчастная лошадь Грустнымъ сопрано—невиданный трюкъ!

Лютю испорчено горло родное Птицъ, и людей, и звѣрей! Ты, парегорикъ, иль нѣчто иное, Только лѣчи поскорѣй!

Сергѣй Городецкій.

ПОКЛАДИСТАЯ ДУША.

- Выходите за меня замужь!..
- Фи! Какая проза: пеленки, кухонный чадъ, утренній халатъ...
- Пустяки! Дѣтей у насъ не будетъ, обѣдать можно въ любомъ ресторанѣ, а жить будемъ на разныхъ квартирахъ!
- Тогда зачѣмъ-же бракъ?!
- Ну, не надо брака...

ДИАЛОГИ ЭТИХЪ ДНЕЙ.

- А что... панихиду можно отслужить?
 - Можно. По комъ?
 - По Толстомъ.
 - Нельзя.
 - Гм... А по Малютѣ Скуратовѣ можно?
 - Можно. Отслужить?
 - Да нѣтъ, не надо.
- Вздыхая, расходятся.

Октябристь говоритъ сыну-студенту:

- Нѣтъ, милый, демонстраціи такъ не дѣлаются...
- Глупы вы еще, молоды.
- А какъ же надо?

— Да зачѣмъ вы лѣзете обязательно на Невскій, на самое видное мѣсто?! Конечно, начальство сразу и узнаетъ объ этомъ и разгоняетъ васъ. Нужно дѣлать не такъ... Сговоритесь потихоньку, пойти на Выборгскую сторону, отыскать глухой переулочекъ, гдѣ ни одного полицейскаго нѣтъ, да и закатить демонстрацію. Да не пѣть, не шумѣть, а потихоньку и подемонстрировать, да и разойтись.

Филинъ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДУША.

Одинъ негръ, услышавъ впервые гудѣнье автомобиля, покачалъ головой и сказалъ:

— Кто бы могъ подумать, что люди когда нибудь начнутъ ѣздить на музыкальныхъ инструментахъ...

МАСШТАБЪ.

Ефимъ Терентьевичъ Сумароковъ былъ десятникомъ на постройкѣ желѣзной дороги—только всего.

И, тѣмъ не менѣе, это была центральная фигура, окруженная общимъ почтеніемъ и интересомъ.

— Почему?

Вѣроятно, благодаря тому врожденному нравственному обаянію, обладанію коимъ возноситъ единицы надъ массой.

Долженъ, однако оговориться, что наибольшимъ уваженіемъ онъ пользовался у людей интеллигентныхъ и развитыхъ, какъ на примѣръ, у насъ, практикантовъ, имѣющихъ возможность разбираться въ его тонкой натурѣ. А что касается, на примѣръ, десятниковъ, то они категорически утверждали, что Ефимъ Терентьевичъ просто старая стерва, и лиса, которой извѣстно, какъ держать носъ по вѣтру.

Все это было чистѣйшимъ вздоромъ, уже по той простой причинѣ, что у Ефима Терентьевича не было носа.

Въ молодости онъ у него былъ, но потомъ исчезъ, оставивъ въ его душѣ настолько хорошее о себѣ воспоминаніе, что Сумароковъ рѣшилъ оставить его мѣсто незанятымъ до конца жизни.

Не знаю почему, но до моего знакомства съ нимъ, я всегда чувствовалъ нѣкоторую неловкость, когда мнѣ случалось разговаривать съ людьми, лишенными этого общепринятаго органа.

Весь мой разговоръ, все мое поведеніе казались мнѣ въ такихъ случаяхъ, сплошнымъ хвастовствомъ, самымъ безстыднымъ бахвальствомъ по отношенію къ моему собеседнику, бахвальствомъ—имѣющимъ единственную цѣль подчеркнуть наличность моего носа.

При этомъ я ясно ощущалъ, что и носъ мой заражался дряннымъ примѣромъ хозяина и принималъ наглый видъ позера и фата, чѣмъ возбуждалъ въ другомъ страстную жажду обладанія подобной ему особой.

Ничего подобнаго не произошло при моей первой встрѣчѣ съ Ефимомъ Терентьевичемъ.

Едва мы пожали другъ другу руки, какъ онъ спросилъ:

— На мой носъ удивляетесь... ваше имя-отчество?

— Георгій Александровичъ...

— На носъ мой удивляетесь Георгій Александровичъ?

Я немного сконфузился, но отвѣтилъ вполне искренно:

— Помилуйте, Ефимъ Терентьевичъ, удивляться здѣсь совсѣмъ не на что...

Къ моему удивленію онъ обидѣлся.

— То есть какъ это не на что? Развѣ не изволите видѣть, что онъ у меня неполный.

— Неполный?—изумился я, глядя на его ухо.

— Да вы, сударь не на ухо глядите. На него нечего глядѣть. Вы сюда вотъ смотрите.—Онъ указалъ пальцемъ на вакантное мѣсто.

Я посмотрѣлъ.

— Ну?

— Хорошій носъ былъ,—не столь убѣжденно, сколько глупо угадалъ я.

Ефимъ Терентьевичъ самодовольно усмѣхнулся.

— Ужъ чего лучше. Десятникомъ меня сдѣлалъ, жалованье хорошее положилъ, сто двадцать пять рублей. Не будь его я, можетъ, этого мѣста до смерти бы не увидѣлъ...

Я заинтересовался.

— Этому дѣлу ужъ тридцать лѣтъ, батюшка. Нашъ господинъ начальникъ дороги тогда еще молоденькіе были. Бѣхали они, какъ то, на дрезинѣ, по линіи. Я это зазѣвался,—глупый парень-то былъ. Не посторонился; ну дрезиной-то въ носъ и вѣхали. А ужъ послѣ этого какой носъ можетъ остаться.

— Неужели, прямо въ носъ,—восторженно воскликнулъ я, дивясь мѣткости управлявшихъ дрезиной рабочихъ,

— Надо бы прямѣе, да ужъ некуда. Чай сами видите.

Мы помолчали. Ефимъ Терентьевичъ снялъ шапку и вытеръ лысину.

— На практику пріѣхать изволили?

— На практику.

— Доучиваться къ намъ пожаловали. А?

— Да, ужъ не откажите, Ефимъ Терентьевичъ, когда что объяснить,—подобострастно изогнулся я.

Онъ покровительственно потрогалъ мое плечо.

— Можно, можно. Почему не объяснить... Пиво пить изволите?

— Ефимъ Терентьевичъ, Господи...

— Я тоже, любитель. Петръ Сергѣичъ, товарищъ вашъ, господинъ Лысковъ тоже, кажется, пьютъ?

— Господи, Ефимъ Терентьевичъ...

— Ну вотъ. Заходите ко мнѣ, какънибудь въ баракъ. Вы—пильзенское?

— Пильзенское, Ефимъ Терентьевичъ. Сейчасъ? Моя готовность произвела на него хорошее впечатлѣніе.

— Завтра, хорошій мой, завтра. Утречкомъ. Или въ это время лучше. Я дома буду.

— Какъ хотите, Ефимъ Терентьевичъ.

— Сейчасъ-то мнѣ еще на насыпь идти надо. Самъ вѣдь за всѣмъ глядишь...

— А начальникъ дистанціи, Сергѣй Александровичъ? Ефимъ Терентьевичъ добродушно разсмѣялся.

— Ну, какой онъ мнѣ помощникъ. Молодъ больно.

Два года только, какъ институтъ-то свой кончилъ. Не пригляди за нимъ, такое натворить... Молодъ, горячится...

— Да ужъ, конечно, не ваша практика, Ефимъ Терентьевичъ...

— Сорокъ лѣтъ, батюшка. Вашу ручку...

На другой день въ это время, я и Лысковъ сидѣли въ его баракѣ за столомъ и пили пильзенское.

Пилъ больше Ефимъ Терентьевичъ, а мы подобострастно съ нимъ чокались, стараясь передъ нимъ выслужиться и обратить, каждый на себя, его милостивое вниманіе.

Но онъ былъ, повидимому, сильно избалованнымъ ухаживаніями человѣкомъ и слегка растрогался только при появленіи пятой бутылки.

Когда ей удалось это сдѣлать, онъ одобрительно обвелъ насъ глазами и сказалъ къ нашей неопикуемой радости:

— Люблю я васъ, молодые люди. Люблю и завидую вамъ. Мы поразились.

— Вы завидуете, Ефимъ Терентьевичъ? Вы? Намъ? Онъ грустно кивнулъ головой.

— Да, завидую. Столько у васъ еще въ жизни удовольствій осталось. Сколько книжекъ всякихъ хорошихъ вы еще читать можете. А?

— Да вѣдь и вы книжки читать можете, Ефимъ Терентьевичъ...

Онъ безпомощно развелъ руками.

— Всѣ. Всѣ прочелъ, друзья мои. Ну, что же тамъ. Майрида—прочелъ, Жульверна—прочелъ, этого, какъ его тамъ, вы знаете,—прочелъ; этого...

— Дальше идти некуда,—сказали мы.

— Самъ знаю, что некуда.

Онъ внимательно посмотрѣлъ въ стаканъ.

— Женщины? И женщинъ зналъ. И дурныхъ и хорошихъ зналъ. Одну, такъ очень даже хорошую зналъ... графиня одна.

Мы закурили отъ нетерпѣнія.

— Молодой я еще тогда былъ и носъ полный имѣлъ.

Онъ съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на себя въ прошломъ.

— Ахъ, какой красавецъ былъ. Ахъ, какой красавецъ, можете себѣ представить, господа...

Мы сдѣлали усиліе представить.

— Ну, такъ вотъ. Пріѣзжаю я одинъ разъ въ Петербургъ—съ правленіемъ нашимъ вмѣстѣ, съ постройки... Иду по Невскому... Подъѣзжаетъ пара лошадей. Карета. И выходитъ изъ нея женщина. Ну, такая, я вамъ скажу красавица, что я такъ и легъ...

— Прямо на троттуаръ? — прошепталъ недалекій Лысковъ.

На его счастье Ефимъ Терентьевичъ не разслышалъ вопроса.

— Такъ я и легъ. Глаза—въ, груди—въ... И вотъ такъ на меня смотреть.

Я зардѣлся подъ взглядомъ графини, который на меня бросилъ Ефимъ Терентьевичъ.

— Ну, и я на нее посмотрѣлъ. Глазъ не опустилъ. Нисколько. Нѣ-ѣтъ, думаю, сучья дочь—не на такого нарвалась!

Мы торжествующе расхохотались. У Ефима Терентьевича заблестѣли глаза.

— За ней... Въ подѣздъ! Да на лѣстницу!! Да въ квартиру!! Да въ спальню!!!

— За графинею?!

Онъ кивнулъ головой. Затѣмъ выдержалъ долгую паузу, осмотрѣлся по сторонамъ и закончилъ шопотомъ:

— Ну, однимъ словомъ,—она меня у себя оставила.

— А потомъ?—прошепталъ я.

Ефимъ Терентьевичъ развелъ руками съ плутовато-безпомощнымъ видомъ.

— Что же потомъ? Ужъ дѣлать нечего. Пришлось раскошелиться.

И снисходительный къ безумствамъ юности добавилъ:

— Далъ ей три рубля. Осталась довольна.

— Ну еще бы,—въ одинъ голосъ сказали мы.

Г. Ляндау.

Шарж Ге-Ми.

ВЛАДИМІРЪ ГАЛАКТИОНОВИЧЪ КОРОЛЕНКО.

Мы готовимся къ путешествію: учимся лазить по горамъ...

Практикуемся въ стрѣльбѣ (мало-ли что случится).

Море тоже не будетъ для насъ новинкой. Нужно за- галить себя дома и превратиться въ старыхъ морскихъ волковъ...

Лондонскіе туманы не испугаютъ насъ... Учимся ориентироваться въ табачномъ дыму (слуга Митя возвра- щается куреньемъ трубки).

Открыта подписка на 1911 годъ на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ и ЮМОРА

ЧЕТВЕРТЫЙ
ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

САТИРИКОНЪ

ЧЕТВЕРТЫЙ
ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ, ВЪ ВИДѢ БЕСПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ, РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:

„ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ“

АРКАДІЯ АВЕРЧЕНКО—АЛЕКСѢЯ РАДАКОВА—РЕ-МИ и ихъ слуги МИТИ.

Многимъ изъ насъ случилось бесѣдовать съ людьми, побывавшими за границей.

Мы пробовали подробно разспрашивать ихъ, выпытывать, таяли изъ нихъ клешами каждое слово, думая, что человекъ, побывавшій за границей, сразу долженъ ошеломить насъ цѣлымъ каскадомъ мѣткихъ наблюдений, оригинальныхъ характеристикъ и тонкихъ штришковъ, которые дали-бы намъ самое полное представленіе о «заграницѣ».

Пробовали мы бесѣдовать съ такимъ, обычнаго сорта, путешественникомъ?

Вы.—Ну, расскажите-же, милый, рассказывайте поскорѣе—какъ тамъ и что, за границей?

Онъ.—(холодно).—Да что-жь... Ничего. Очень мило.

Вы.—Ну, какъ, вообще, тамъ... люди, жизнь?

Онъ.—Да жизнь ничего себѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хороша, въ нѣкоторыхъ плохая. Въ Парижѣ трудно черезъ улицу переходить. Задавать. А то—ничего.

Вы.—Ага! Такъ, такъ!.. Ну, а Эйфелеву башню... видѣли? Какое впечатлѣніе?

Онъ.—Большая. Длинная такая, предлинная. Я еще и въ Италіи былъ.

Вы.—Ну, что въ Италіи?! Расскажите!!

Онъ: (зѣвая) — Да такъ какъ-то. Дожди. А, въ общемъ, ничего.

Вы.—Колізей видѣли?

Онъ.—Ко... Колізей? Позвольте... гм... Сдается мнѣ, что видѣлъ. Да, пожалуй, видѣлъ я и Колізей.

Вы.—Ну, а что произошло тамъ на васъ, въ Италіи, самое яркое впечатлѣніе?

Онъ.—Улицы тамъ какія-то странныя...

Вы.—Чѣмъ-же странныя?

Онъ.—Да такъ какія-то. То широкія, то узкія... Вообще знаете, Италія...

Вы: (обрадовавшись. Лихорадочно)—Ага! Что Италія! Что Италія!?

Онъ.—Гостиницы скверныя, рестораны. Альберго, поихнемутрицайтъ, всякое установившееся мнѣніе, сложившуюся репутацию—переворачивать къверху ногами...

Вы.—Говорятъ, итальянки очень красивы?

Онъ.—Чепуха! Не вѣрте. Толстыя, неуклюжія и—удивительно—почему то на одну ногу прихрамываютъ. Одни разговоры прославленной красотѣ итальянокъ!

...которые въ Швейцаріи «очень большія, чрезвычайно большія», что «Вѣна веселый городъ, а Берлинъ скучный городъ», что «въ Венеціи его поразило обиліе каналовъ, такое обиліе, котораго ему нигдѣ не приходилось встрѣчать...»

Да, пожалуй еще, если онъ расшедрится, то сообщитъ вамъ, что Парижъ—это городъ моды, роскоши и кокетокъ, а въ Испаніи въ гостиницахъ двери не запираются.

И потомъ внезапно замолчитъ, какъ граммофонъ, въ механизмъ котораго сунули зонтикъ...

Или начнетъ такой путешественникъ нести отчаянный вздоръ. Долго плачется на то, что будучи въ Страсбургѣ, цѣлый день разылкалъ прославленный Кельскій соборъ, а никакого Кельскаго собора и нѣтъ... Куда онъ дѣвался—неизвѣстно.

У нѣкоторыхъ путешественниковъ есть другая манера—все отрицать, всякое установившееся мнѣніе, сложившуюся репутацию—переворачивать къверху ногами...

Вы.—Говорятъ, итальянки очень красивы?

Онъ.—Чепуха! Не вѣрте. Толстыя, неуклюжія и—удивительно—почему то на одну ногу прихрамываютъ. Одни разговоры прославленной красотѣ итальянокъ!

Ошибочно думать, что этотъ глупецъ изучилъ итальянскихъ женщинъ со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ деталяхъ. Просто былъ онъ въ Римѣ два дня, все это время проторчалъ въ грязномъ кабацкѣ на окраинѣ и прислуживала ему одна-единственная итальянка, толстая, неуклюжая, прихрамывающая на одну ногу...

Вы.—А въ Испаніи, небось, жарко?

Онъ.—Вздорь! Дожди вѣчно жарятъ такіе, что ужасъ. Безъ непромокаемаго пальто не показывайся. (Два часа. Отъ поѣзда до поѣзда. Случайно шелъ дождь.)

Вы.—А французки—очень интересны?

Онъ.—Ну, что вы. Накрашены, потерты и при первомъ же знакомствѣ папироску клячатъ.

Вышеизложенныя характеристики путешественниковъ приведены для того, чтобы подчеркнуть: а сатириконцы (и Митя) не такіе, а сатириконцы (и Митя) будутъ вдумчиво, внимательно и своеобразно подходить къ укладу заграничной жизни и постараются освѣтить въ ней такія стороны, что всѣ раскроютъ удивленно глаза и ахнутъ!

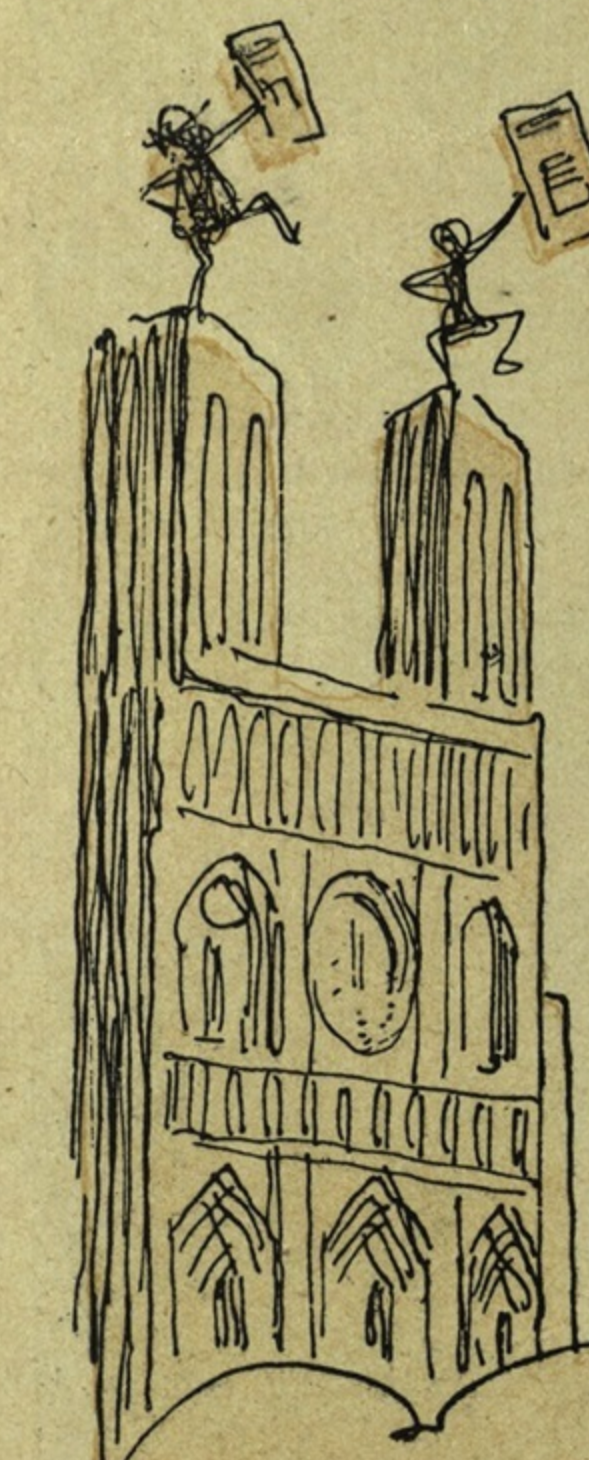
Маршрутъ путешественниковъ: Россія—Германія—Австрія—Италія—Испанія—Португалія—Швейцарія—Франція—Англія—Россія.

Подписная плата съ доставкой и пересылкой: На годъ 6 руб., на полгода 3 руб., на 3 мѣсяца 50 коп.—Ввиду желанія многихъ подписчиковъ, сохранять журналъ для переплета по истеченіи подписнаго года,—номера „Сатирикона“ высылаемые гг. подписчикамъ, будутъ печататься на лучшей и болѣе плотной бумагѣ.—Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Сатириконъ“, (С.-Петербургъ, Фонтанка, 80) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и провинціи.

Цѣна отдѣльнаго №—10 коп. Въ Москвѣ и провинціи—12 коп.—Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Фонтанка, 80. Телефонъ № 524-62.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

РАДОСТНАЯ ВЪСТЬ.

Она:—Такъ унищожили, говоришь, крѣпостное право?
Онъ:—Давно! Годовъ, почитай, пятьдесятъ будетъ.
— Да, ну?! Экая я дура! И какъ это прозвѣвала—самой невдомекъ.

МУЖЧИНЫ.

Кто жилъ въ мебелированныхъ комнатахъ средней руки—тотъ хорошо знаетъ, что прислуга никогда не имѣетъ привычки предварительно докладывать о посѣтителяхъ... Какъ бы ни былъ неприятенъ гость или гостя, простодушная прислуга никогда не спроситъ васъ: расположены-ли вы къ приѣму этихъ людей.

Однажды вечеромъ я былъ дома, въ своей одинокой комнатѣ и занимался тѣмъ, что лежалъ на диванѣ, стараясь дѣлать какъ можно меньше движеній. Я человѣкъ очень прилежный, энергичный, и это занятіе нисколько меня не утомляло.

...По пустынному корридору раздались гулкіе шаги, шелестъ женскихъ юбокъ и чья-то рука неожиданно громко постучалась въ мою дверь.

Машинально я сказалъ:

— Войдите.

Это была скромно-одѣтая немолодая женщина въ траурной шляпѣ съ крепомъ.

Я вскочилъ съ дивана, сдѣлавъ по направленію къ посѣтительницѣ три шага и спросилъ удивленно:

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

Она внимательно всмотрѣлась въ мое лицо.

— Вотъ онъ какой...—пробормотала она.—Такимъ я его себѣ почему-то и представляла. Красивъ... Красивъ даже до сихъ поръ... Хотя прошло уже около шести лѣтъ...
— Я васъ не знаю, сударыня!—удивленно сказалъ я.

Она печально улыбнулась.

— И я васъ, сударь, не знаю. А вотъ привелось встрѣтиться. И придется еще вести съ вами длинный разговоръ.

— Садитесь, пожалуйста. Я очень удивленъ... Кто вы?

Дама въ траурѣ поднялась со стула, на которое только что опустилась и, держась за его спинку, съ грустной торжественностью сказала:

— Я—мать той женщины, которая любила васъ шесть лѣтъ тому назадъ, которая нарушила ради васъ супружескій долгъ и которая... ну, объ этомъ послѣ. Теперь вы знаете, кто я! Я—мать вашей любовницы!..

Посѣтельница замолчала, считая, вѣроятно сообщенныя ею данныя достаточными для уясненія нашихъ взаимоотношеній. А я не считалъ эти данныя достаточными. Я не считалъ ихъ типичными.

Я помедлилъ немного, ожидая, что она назоветъ, по крайней мѣрѣ, фамилію или имя своей дочери, но она молчала, печальная, траурная.

Потомъ повторила, вздыхая:

— Теперь вы знаете, кто я... И теперь я сообщу вамъ дальнѣйшее: моя дочь, а ваша любовница недавно умерла на моихъ рукахъ, съ вашимъ именемъ на холодѣющихъ устахъ.

Я разсудилъ, что вполне приличнымъ случаемъ поступкомъ будетъ: всплеснуть руками, вскочить съ дивана и горестно схватиться за голову.

— Умерла?! Боже, какой ужасъ.

— Такъ вы еще не забыли мою славную дочурку?—растроганно прошептала дама, незамѣтно стирая уголкомъ платка слезинку.—Подумать только, что вы разстались больше пяти лѣтъ тому назадъ... Изъ за вашей измѣны, какъ призналась она мнѣ въ минуту откровенности.

Я молчалъ, но мнѣ было безумно-тяжело, скверно и горько. Я чувствовалъ себя самымъ беспросвѣтнымъ негодяемъ. Если бы у меня было больше мужества я долженъ бы откровенно сказать этой доброй наивной старушкѣ:

— Милая моя! Для тебя романъ замужней женщины съ молодымъ человѣкомъ—огромное незабываемое событіе въ жизни, которое, по твоему, должно сохраниться до самой гробовой доски. А я... я рѣшительно не помню, о какой именно замужней дамѣ ты говоришь... была-ли это Ася Званцова? Или Ирина Николаевна? Или Вѣра Михайловна Березаева?

Я нерѣшительно поерзалъ на диванѣ, потомъ бросилъ на посѣтельница испитую взглядъ и потомъ, свѣсивъ голову, осторожно спросилъ:

— Разскажите мнѣ что нибудь о вашей дочери...

— Да что-жъ рассказывать... Какъ вы знаете, они съ мужемъ не сошлись характерами. Онъ ее не понималъ, не понималъ души ея и запросовъ... А тутъ явился вы—молодой, интересный, порывистый. Она всю жизнь помнила тѣ слова, которыя были сказаны вами при первомъ сердечнымъ объясненіи... Помните?

— Помню, нерѣшительно кивнулъ я головой.—Впрочемъ, повторите ихъ. Такъ-ли она вамъ передала?

— Въ тотъ вечеръ мужа ея не было дома. Пришли вы—какой-то особенный, «свѣтлый», какъ она говорила. Вы замѣтили, что у нея заплаканные глаза и долго добивались

узнать причину слезъ. Она отказывалась... Тогда вы обвили рукой ея талию, привлекли ее къ себѣ и тихо сказали: «счастье мое! Я вижу, тебя здѣсь никто не понимаетъ, никто не цѣнитъ твоего чудеснаго жемчужнаго сердца, твоей кристальной души. Ты совершенно одинока. Есть только одинъ человекъ, который оцѣнилъ тебя, сердце котораго всецѣло въ твоей власти...»

— Да это мой пріемчикъ, — задумчиво улыбнулся я. — Теперь я его уже бросилъ...

— Что?! — переспросила старушка.

— Я говорю: да! Это были, именно тѣ слова, которыя я сказалъ ей.

— Ну, вотъ. Потомъ вы, кажется... стали цѣловать ее?

— Навѣрное, — согласился я. — Не иначе. Что-же она вамъ рассказывала дальше?

— Черезъ нѣсколько дней вы гуляли съ ней въ городскомъ саду. Вы стали просить ее зайти на минутку къ вамъ, выпить чашку чаю... Она отказывалась, ссылаясь на то, что не принято замужней дамѣ ходить въ гости къ молодому человеку, что этотъ поступокъ былъ бы моральной измѣной мужу... Вы тогда обидѣлись на нее и цѣлую аллею прошли, молча. Она спросила: «вы сердитесь?» «Да, — сказали вы, — васъ оскорбляетъ такое отношеніе и, вообще, вамъ очень тяжело и вы страдаете». Тогда она сказала: «ну, хорошо, я пойду къ вамъ, если вы дадите слово вести себя прилично...» Вы пожали плечами: «вы меня обижаете!» Черезъ полчаса она была уже у васъ, а черезъ часъ стала вашей.

И, опять приподнявшись со стула, спросила старуха торжественно:

— Помните-ли вы это?

— Помню, — подтвердилъ я. — А что она говорила, уходя отъ меня?

— Она говорила: «навѣрное, теперь вы перестанете уважать меня», а вы прижали ее къ сердцу и возразили: «Нѣтъ! Никого еще въ жизни я не любилъ такъ, какъ тебя!» А теперь... она умерла, моя голубка.

Старая дама заплакала.

— О! — порывисто, въ припадкѣ великодушія, воскликнулъ я. — Если-бы можно было вернуть ее вамъ — я пожертвовалъ бы для этого своей жизнью!

— Нѣтъ... Ее уже ничто не вернетъ отсюда, — разсудительно возразила старуха.

— Не говорила ли она вамъ еще что нибудь обо мнѣ.

— Она рассказывала, что вы сначала видѣлись съ ней каждый день, потомъ черезъ день, а потомъ на васъ свалилась неожиданно какая-то срочная работа, и вы видѣлись съ ней разъ въ недѣлю. А однажды она, явившись къ вамъ неожиданно, застала у васъ другую женщину.

Я опустилъ голову и сталъ сконфуженно разглаживать рукой подушку.

— Помните вы это? — спросила дама.

— Помню.

— А когда она расплакалась, вы сказали ей: «сердцу не прикажешь». И предложили ей остаться хорошими друзьями.

— Неужели, я предложилъ ей это? — недовѣрчиво спросилъ я.

Вообще, это было на меня непохоже. Я хорошо зналъ, что ни одна женщина въ мірѣ не пошла бы на такую комбинацію, и потому никогда не предлагалъ послѣ любви — дружбу. Просто я спрашивалъ: «кажется, мы охладѣли другъ-къ-другу?» У всякой женщины есть свое профессиональное женское самолюбіе. Она почти никогда не говоритъ: «кто это «мы»? Никогда я къ тебѣ не охладѣвала!» А опустить голову, промедлить минуты три и скажетъ: «Да! Прощайте».

Очевидно, старуха что-то напутала.

— Не передавала ли мнѣ что нибудь покойница передъ смертью?

И въ третій разъ торжественно поднялась со стула старуха и въ третій разъ сказала торжественно:

— Да! Она поручила вамъ свою маленькую дочь.

— Мнѣ? — ахнулъ я. — Да почему?

— Какъ вы знаете, мужъ ея умеръ четыре года тому назадъ, а я стара и часто хвораю...

— Да почему-же, именно, мнѣ?

Старуха печально улыбнулась.

— Сейчасъ я скажу вамъ вещь, которая неизвѣстна никому, тайну, которую покойница свято хранила отъ всѣхъ и открыла ее мнѣ только въ предсмертный часъ: настоящій отецъ ея ребенка — вы!

— Боже ты мой! Неужели? Вы увѣрены въ этомъ?

— Передъ смертью не лгутъ, — строго сказала старуха. — Вы отецъ и вы должны взять заботы о вашей дочери.

Я поблѣднѣлъ, сжалъ губы и, опустивъ голову, долго сидѣлъ такъ, волнуемый разнородными чувствами.

— А, можетъ быть, она ошиблась? — робко переспросилъ я. — Можетъ быть, это не мой ребенокъ, а мужа?

— Милостивый государь! — величаво сказала старуха. — Женщины никогда не ошибаются въ подобныхъ случаяхъ. Это инстинктъ!

Нахмурившись, я размышлялъ.

Съ одной стороны я считалъ себя порядочнымъ человекомъ, уважалъ себя и, поэтому, полагалъ сдѣлать то, что подсказывала мнѣ совѣсть. Онъ долженъ быть мнѣ дорогъ, этотъ ребенокъ отъ любимой женщины (конечно, я въ то время любилъ ее!). Съ другой стороны, эта неожиданная тяжелая обуза при моемъ образѣ жизни — совершенно выбивала меня изъ колеи и налагала самыя сложныя и запутанныя обязанности въ будущемъ.

Я — отецъ! У меня дочь!..

— Какъ ее зовутъ? — спросилъ я, разнѣженный.

— Вѣрой. Какъ и мать.

— Хорошо! — Рѣшительно сказалъ я. — Согласенъ. Я усыновлю ее. Пусть носитъ она фамилію Двуутробникова.

— Почему Двуутробникова? — недоумѣвающе взглянула на меня старуха.

— Да мою фамилію. Вѣдь я же Двуутробниковъ.

— Вы... Двуутробниковъ?!

— А кто-же?

— Боже мой! — въ ужасѣ закричала странная гостыя. — Значить, это не вы?!

— Что — не я?

— Вы, значить, не Класевичъ?! Дочь называла фамилію Класевичъ и сказала этотъ адресъ.

Неожиданная бурная волна радости залила мое сердце.

— Класевичъ? — захохоталъ я. — Поздравляю васъ: вы ошиблись дверью! Класевичъ въ слѣдующей комнатѣ номеръ 11. А моя комната номеръ 10. Пойдемте, я провожу васъ.

Оживленный, веселый, взявъ я разстроенную старуху за руку и потащилъ за собой.

— Какже! — тараторилъ я. — Моя фамилія Двуутробниковъ, номеръ 10, а Класевичъ дальше. Онъ — номеръ 11. Онъ тутъ ужъ давно живетъ въ этихъ комнатахъ, вотъ тутъ, рядомъ со мной. Какъ-же! Класевичъ... Очень симпатичный человекъ. Вы сейчасъ съ нимъ познакомитесь... А вы, значить, вмѣсто одиннадцатаго номера въ десятый попали?! Хе-хе... Ошибочка вышла. Какже! Класевичъ, онъ тутъ. Эй, Класевичъ!! Вы дома? Тутъ одна дама васъ по важному дѣлу спрашиваетъ... Идите, сударыня. Хе-хе... А я то — слушаю, слушаю...

Аркадій Аверченко.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ „САТИРИКОНА“.

Представленные въ редакцію рукописи не возвращаются (даже при условія присылки марки на отвѣтъ).

А. Петербургъ.

250. А. Карро, А. Томскому, Костѣ и Юрѣ, Нексти, А. Подковъ, Свенгали, Зуеву, Дунину, С. К., Аданеллѣ, Фланеру, Барону М., Сэру Папъ-Типъ, Климову, Г. Студенту, Иванову, А. Брамову, Нидону Бездомному. — Не подошло

251. Колѣ Нытику. Очень плохо.

252. Алешѣ Непоповичу. — Присылать, конечно, можно.

253. Пипу. — У Джерома это лучше.

254. Aristos. — «Словомъ я не могу написать ни одной фразы, чтобы не предвидѣть Вашихъ отвѣтовъ.»

— Подтверждаемъ Вашу догадку: вещь скверная.

Б. Провинція.

255. И. Худякову, Яруну, Менестрелю, Н. Асѣву, Мурлу, А. С. (Варшава), З. Яценко, П. М-ву, Е. Ратверу, Маркѣ, Маркизу де-Визъ, Городокъ — Никльби, Лазарю Черному, Тройцкому, И. Гражданину, Микробу, Жикъ-чи, Фантазеру, Пему, Растяпѣ, А. Роменскому, Меръ — Си, Икару, Виссенъ, Е. Л-чь, В. Мартовскому, Волгу, Эльвичу, Бархину, Алебастрову. — Не подошло.

256. А. Ж., И. Родному, С., Ж'Арнадъ. — Рисунки плохи.

257. Е. Холодовской. — Не подошли.

258. Даръ — Эвину. — Не выношено.

259. Бритоплѣшкину. «Шлю Вамъ рассказъ — картинку, которую записалъ съ натуры въ 10 минутъ». — Это не оправданіе.

Н. Д.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: М. Г. Корнфельдъ.

ВЪ КОНЦѢ НОЯБРЯ

выйдетъ въ свѣтъ 1-ый № еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала новаго типа

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

- * Всѣ спеціальности отъ спорта и авіатики—до беллетристики и критики включительно.
- * Разнообразныя оригинальныя иллюстраціи всѣхъ событій русской и иностранной жизни.
- * Собственные корреспонденты, фотографы и художники во всѣхъ центрахъ міровой жизни.
- * Обзоръ всѣхъ журналовъ міра.
- * Жизнь міра за недѣлю въ обзорахъ и легкихъ очеркахъ со снимками и рисунками.
- * Исповѣди, біографіи, оригинальныя интервью, анкеты и пр.
- * Вопросы жизни и злобы дня въ области политики, литературы, театра, искусства, спорта и пр.
- * Въ мірѣ невѣдомаго. Область четвертаго измѣренія и теософія.
- * Человѣческіе документы, Авторецензіи, Позорный столбъ.
- * Стружки литературно-театральныя и общественно-политическія.
- * Репортажъ остроумія, Забытая страничка, Всемирный юморъ.

* * * Журналъ новаго типа—«СИНІЙ ЖУРНАЛЪ» на первое мѣсто выдвигаетъ широкую освѣдомленность и злободневность иллюстрацій и литературнаго матеріала.

* * * Отказавшись отъ обычныхъ перепечатокъ иллюстрацій изъ западно-европейскихъ журналовъ, —«СИНІЙ ЖУРНАЛЪ» будетъ пользоваться преимущественно первоисточниками. Редакціей заключены договоры съ лучшими фотографами во всѣхъ центрахъ міра, что дастъ «СИНЕМУ ЖУРНАЛУ» возможность помѣщать иллюстраціи событій міровой жизни одновременно съ лучшими журналами Запада и раньше другихъ русскихъ изданій.

* * * Чрезвычайно дорожа мѣстомъ на своихъ страницахъ и временемъ читателей,—«СИНІЙ ЖУР-

НАЛЪ» стремится къ сжатости и краткости въ всѣхъ своихъ отдѣлахъ. Наряду съ обзоромъ журналовъ «СИНІЙ ЖУРНАЛЪ» будетъ давать краткое изложеніе и отдѣльныхъ выдающихся новинокъ, входящихъ въ свѣтъ на всѣхъ языкахъ. Особый отдѣлъ составлять «Будущія Новинки»: книги, подготавливаемые къ печати, пьесы, готовящіяся къ постановкѣ, картинныя выставки до ихъ открытія и т. п.

* * * Удѣляя особое вниманіе типографской и вообще технической сторонѣ—«СИНІЙ ЖУРНАЛЪ» одной изъ задачъ своихъ ставитъ яркость и четкость воспроизведенія снимковъ, рисунковъ и иллюстрацій.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на 1 годъ	2 руб. 50 коп.	на 3 мѣс.	65 коп.
„ 1/2 „	1 „ 25 „	„ 1 „	25 „

Подписка принимается въ Конторѣ журнала СПБ., Фонтанка, 80 и во всѣхъ книжн. магазинахъ. Цѣна номера въ розничной продажѣ въ С.-Петербургѣ и въ провинціи 5 коп. на ст. ж. д. 7 к.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ СПБ., ФОНТАНКА, 80. ТЕЛ. № 524—62.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

ДЪЯТЕЛЬНАЯ НАТУРА.

Жена:—Милый, купи мнѣ новое обручальное кольцо.

Мужъ:—А... гдѣ же первое?!

Жена:—О, Господи! Я его уже сносила.

Противъ старости гематогенъ Д-ра Гоммеля

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ! Требуйте настоятельно имя Д-ра Гоммеля.

ПУДРА „ЛЕДА“

ПРИ СМЪШИВАНИИ СЪ ВОДОЮ ВПОЛНЪ ЗАМЪНЯЕТЪ БЪЛИЛА.

НЕЗАМЪТНО ПРИЛЕГАЕТЪ КЪ КОЖУ. ПРИДАЕТЪ БЪЛИЗНУ И ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЦВЪТЪ МОЛОДОСТИ.

МЫЛО „ЛЕДА“ СМЯГЧАЕТЪ КОЖУ И ПРИДАЕТЪ СВЪЖЕСТЬ И БАРХАТИСТОСТЬ.

Т-во А. РАЛЛЕ и К^о МОСКВА.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

Г. ЛЪСИНЪ

производитъ всѣ банковыя операціи и исполняетъ биржевыя порученія.

НЕВСКИЙ 18 (уголь Морской).

Для телеграммъ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЛЪСИНБАНКЪ.

Cigarettes égyptiennes

Ed. Laurens

„Le Khédive“

Alexandrie. Caire

ДОМАШНИЙ КИНЕМАТОГРАФЪ

Аппаратъ для демонстраціи живой фотографіи, заграничной работы, съ сильнымъ объективомъ.

Получена громадная партія, которая распродается для рекламы по необычайно низкимъ цѣнамъ. Разм. А. 3 р. 75 к. Разм. В. 5 р. 50 к. за шт. съ тремя лентами снимковъ. Пересылка и упаковка 65 коп., въ Сибирь 95 коп.

И. ГЛАЗУНОВЪ, МОСКВА, Столешниковъ пер., № 8.

Требуйте бесплатно каталогъ новостей.

ЧУИ! ЧТО ЭТО? — „СТРУНА ЗВЕНИТЬ ВЪ ТУМАНЪ“.

Это любители, студенты музыкальн. учреждений и артисты, запасаясь хорошими чисто-квинтными струнами, наслаждаются и восхищаются посылителями звуками дивной скрипки Гварнери у Р. Р. Орбянского. Художеств. скрипичн. и виолончельн. мастерская и магазинъ на Вознесенскомъ просп. д. 36. Тел. 410-04.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Пальто демп отъ 15 р. Зимнее пальто „ 18 „ Австрийск. куртка 6 „

Д. РЫВКИНЪ и К^о Сюртукъ съ жил. 18 р. Пиджачн. кост. 13 „ Брюки англ. р. 4 „

МУЖСКОЕ и ДАМСКОЕ ПЛАТЬЕ,

32, Забалканскій, 32.

Допускается **РАЗСРОЧКА** небывалая.

Для приема заказ. большой выборъ материаловъ пущ. русск. и загранич. фабрикъ. Формы всѣхъ вѣдомствъ и учреждений. Цѣны БЕЗЪ ЗАПРОСА. Тел. 464-70.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

на два журнала для дѣтей, подъ ред. А. А. Ведорова Давыдова.

I. МЛАДШИЙ ВОЗРАСТЪ.

„СВѢТЛЯЧОКЪ“.

Годъ X-й ЮБИЛЕЙНЫЙ.

Особ. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущенъ къ выпискѣ по предварит. подп. въ библиотеч. городск. учил., дѣтск. садовъ и приютовъ, въ безпл. народ. чит. и библиотеч. для народ. чтеній и въ ученич. библиотеч. средн. учебн. заведеній. Удост. серебряной медали на научно-промыш. выст. „Дѣтскій Миръ“ 1903—1904 г.

Подписавшіеся на 1911 годъ заблаговременно, въ ноябрѣ 1910 года,

СВЕРХЪ объявленныхъ премій получатъ:

2 книги:

„Записки Кошки Брыски“. | „Проказы Рейнеке - Лиса“.

Со многими рисунками. | Изъ соч. В. Гете. Со мног. рис.

*** „КАЛЕНДАРЬ-ОТКРЫТКУ“. ***

Въ 1911 году подписчики получатъ:

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА, печатающагося крупнымъ, четкимъ шрифтомъ, на плотной бумагѣ, со множествомъ иллюстрацій, въ одинъ томъ и въ краскѣхъ.

30 ПРЕМІЙ: игры, игрушки, книги, работы, занятія и пр.; въ числѣ ихъ:

- * „ПОЖАРНЫЙ ОВОЗЪ“. Для вырѣзыванія. 3 лис., свыше 70 фиг., горящее здан. и др.
- * „НОВЫЙ ТЕАТРЪ“. Зол. Пѣтушокъ. 1) Арка. 2) Декораціи. 3) Декораціи. 4) Свыше 50 фигуръ и аксессуаровъ. Книга „ЗОЛОТОЙ ПѢТУШОКЪ“.
- * „ТЕАТРА БАСЕНЬ“. 1) Арка. 2) Декораціи. 3) Фигуры. 1) „Волкъ на парни“. 2) „Волкъ и ягненокъ“. 3) „Крестьянинъ и работникъ“
- * „КЕГЛИ СЪ РОЖИЦАМИ“.
- Для игры на столѣ.
- * „КУКОЛЬНЫЙ РОЯЛЬ“. Для вырѣзыванія и скл.
- Новости! Складныя картинки по квадратамъ и треугольникамъ.
- * „РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ІЛКА“ съ картонаж.
- * „ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ“, съ портретами сотруди., редактор., рисунками и пр.
- * „КАРЕТА и ПАРА ЛОШАДЕЙ“.
- Для вырѣзыв. и склеиванія.
- 100 солдатиковъ и
- * „ЛАГЕРЬ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, съ дост. и перес. 4 р. — к. На годъ, безъ дост. и перес. 3 р. 50 к. На годъ, за границу . . . 8 р. — к.

РАЗСРОЧКА:

При подпискѣ за 1-ое полуг. 2 р. 50 к. За 2-ое полуг., къ 1 июля . 1 р. 50 к. № 1-й, 1911 г. выйдеть до праздника Р. Х.

II. СРЕДНИЙ ВОЗРАСТЪ.

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“.

Годъ VIII-й.

Особ. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущенъ къ выпискѣ по предварит. подп. въ безпл. народ. библиотеч., въ учите. библиотеч. низш. учебн. завед., въ ученич. библиотеч. средн. учебн. завед. и въ ученич. библиотеч. низш. училищъ.

Подписавшіеся на 1911 годъ заблаговременно, въ ноябрѣ 1910 года,

СВЕРХЪ объявленныхъ премій получатъ:

2 книги:

„Маленькій Герой“. | „Обезьяній городокъ“.

Повѣсть Ф. Гофмана. | Съ рисунками.

*** „КАЛЕНДАРЬ-ОТКРЫТКУ“. ***

Въ 1911 году подписчики получатъ:

24 № ЖУРНАЛА, богатаго изданія, съ иллюстраціями, при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ.

30 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ, въ составъ которыхъ войдутъ:

- * „МАЯКЪ“. Роскош. подвиж. календарь.
- ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ НОВОСТЬ! Аппаратъ для свѣтовыхъ эффектовъ.
- * „Освобожденіе Крестьянъ“ въ 1861 г.“ Панорама.
- * „Бѣгство Французовъ въ 1812 г.“ Панорама.
- * „Царь-Пушка“. Модель. для вырѣзыв. и склеив.
- 12 № Первой Дѣтской Газеты „Наша переписка“.
- 8 Выпусковъ богатаго изданія „ДИКОВИННЫЯ ЖИВОТНЫЯ“. Со многими иллюстраціями.
- 5 Книжекъ: „Повѣсти, рассказы и сказки“ Альфонса Додэ. Въ сокращенномъ переводѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ, съ дост. и перес. 4 р. — к. На годъ, безъ дост. и перес. 3 р. 50 к. На годъ, за границу . . . 8 р. — к.

РАЗСРОЧКА:

При подпискѣ за 1-ое полуг. 2 р. 50 к. За 2-ое полуг., къ 1 июля . 1 р. 50 к. № 1-й, 1911 г. выйдеть до праздника Р. Х.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ПРОСПЕКТЫ.

Контора и Редакція: Москва, Мал. Дмитровка, 17. Отдѣленіе: книжный магазинъ Н. Лидертъ, Москва, Петровскія линіи. Редакторы издатели: А. А. Ведоровъ-Давыдовъ, М. В. Лидертъ.

Основанный
1868 года

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на старейший ежемесячный журнал для дам:

43-й годъ
изданія

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

Каждый номеръ содержитъ въ себѣ много иллюстриров. отдѣл дамскихъ и дѣтскихъ модъ и бѣлья, шляпъ и художественныхъ рукодѣлій, статьи по домовод., поваренному искусству, популярной медицинѣ и воспитанію дѣтей и, въ видѣ бесплатнаго приложенія, готовые выкройки изъ бумаги лучшихъ Парижскихъ и Лондонскихъ закройщиковъ, по которымъ можно самой кроить и шить.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ НАЧИНАЕТСЯ СЪ ОКТЯБРЯ МѢСЯЦА.

Подписная цѣна за годъ 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

Пробный абонементъ на 3 мѣсяца — 60 коп., безъ права на премію. Всѣ годовыя подписчицы могутъ получить въ видѣ бесплатной преміи картину проф. Ноппенбруха „КРАСАВИЦА“. Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Модный СВѢТЪ“, С.-Петербургъ, Невскій, 14-К.

МАГАЗИНЪ „ЭКОНОМІЯ“ МАГАЗИНЪ

34^б Забалканскій пр. 34^б

ЛУЧШЕЕ МУЖСКОЕ ПЛАТЬЕ

ГОТОВОЕ И НА ЗАКАЗЪ

ИЗЯЩНО, ДОБРОСОВѢСТНО И АККУРАТНО

ЦѢНЫ НЕ ДОРОГИЯ

Телефонъ 501-98

Телефонъ 501-98

ДА ИЛИ НѢТЬ?

нужны ли вамъ наши гигиеническія резиновыя издѣлія (предохранители)?

ЕСЛИ ДА,

выпишите немедленно нашъ полный иллюстрированный каталогъ № 28 (высылается бесплатно бандеролью или за 21 коп. почтов. марками въ закрытомъ конвертѣ).

ЕСЛИ НѢТЬ,

все же вы имъ запаситесь — онъ вамъ безусловно пригодится.

отдѣлъ парижской **Ж. Руссель,** фирмы

- 1) Москва, Столешниковъ, № 5.
- 2) Спб., Фонтанка 29, уг. Невск.
- 3) Рига, Известковая ул., № 12.

ИНТЕРЕСНО

ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ

Альбомъ натуралици.

Парижскихъ снимковъ на самой лучшей бромосеребряной бумагѣ и въ хорошемъ исполненіи 50 разныхъ рисунковъ. — Цѣна 4 руб. съ пересылкой. — Заказы исполняются только по полученіи стоимости, можно марками. — Высылки въ цѣнныхъ закрытыхъ посылкахъ. — Адресъ: Л. дѣл., Петровская 64, Б. Островскій.

16,000

ПОРТРЕТОВЪ даромъ

мы раздаемъ читателямъ этой газеты, дабы усилѣнно распространить наше предпріятіе. Пришлите намъ фотографію (стар. или нов., одиноч., двойн. или группу) съ Вашимъ точнымъ адресомъ на оборотѣ Вашей фотографіи и Вы вскорѣ получите Вашъ, съ поразительнымъ сходствомъ увеличенный на 38 сант. ширины и 48 сант. вышины т. е. почти портретъ натуральной величины совершенно даромъ.

Единственную услугу, какую мы отъ Васъ взаимно просимъ — по полученіи Вами портрета — премія, рекомендац. нашу фирму Вашимъ друзьямъ и знакомымъ. Ваша фотографія будетъ Вамъ возвращена въ цѣлости. За перес. упаковку и др. расходы просимъ прилож. 75 коп. марками или налож. платеж. — 95 к. Общество „СЕМИ-ЭМАЛЬ“, ЛОДЗЬ № 151. При групповыхъ лицахъ, имѣющихъ быть увел. обознач. знаком. Х.

ГРАММОФОНЫ

самый колосс. выборъ
Т-ВО ФОНОГРАММА-
ШИРОКАЯ РАЗСРОЧКА
— БЕЗЪ ВОРУЧИТЕЛЕЙ —

Вознесенскій пр., 18,
(бѣль-этажъ) противъ Офицерской.

ВАЛЯНЫЕ САПОГИ

изъ шерсти и пуха на двухъ подошвахъ — пробочной и войлочной; теплы, прочны, легки, удобны, не скользятъ. Прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

Поставщикъ ИМПЕРАТОРСКАГО общества ОХОТЫ
Т. С. ПРИВЕЗЕНЦЕВЪ,
№ 31108 МОСКВА, 5-4
ПОКРОВКА противъ церк. УСПЕНІЯ.
ЗОЛОТАЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА
МЕДАЛЬ ПЕРИЖЬ-GRAND-PRIX ОХОТЫ
ПЕРИЖЬ-GRAND-PRIX ЛОНДОНЪ-GRAND-PRIX.

ДОЛОЙ ТАБАКЪ!

курающимъ и нюхающимъ, желающ. бросить табакъ, способъ легкій и вѣрный и навсегда избавляющій отъ вредной привычки высылка бесплатно. П. Кожановъ, Москва, Переяславка, д. Ж. С. Волкова, кв. 22.

ПРОТИВЪ ГОНОРРЕИ (ТРИППЕРА) новыи средство — „SALO- ПИЧИЛИНЪ“

дѣйствуетъ быстро и радикально и, по отзывамъ врачей, считается рациональнѣйшимъ средствомъ. Наставленіе при коробкѣ. Настоящее только въ метал. коробкахъ по 1 руб. и по 1 р. 80 к.

Однако хорошо дѣйствуетъ въ острыхъ и хроническихъ случаяхъ и въ короткое время устраняетъ самыя упорныя теченія.

ДЛЯ ПОЛЬЗЫ БОЛЬНЫХЪ.
Въ виду поддѣлокъ исключительная продажа въ С.-Петербургѣ, Развѣзжая ул. № 7, аптека Б. Конгейма.

Высылается налож. платеж. Пересылка по почтовому тарифу.

НѢТЬ ИНТЕРЕСНѢЙ!

Парижск. академ. снимки съ натуры только оригиналы въ роскошн. исполненіи. Крайне занимательно для любителей! 3 серия по 10 штукъ со специально приспособленнымъ новизобрѣт. парижск. стереоскопомъ съ зеркаломъ дающимъ поразит. эффекты. Небывалая Новость! Высыл. съ налож. плат. за 5 р. 50 к., въ Сибирь за 5 р. 85 к. Лодзь, „Базаръ Новостей“

ИНТЕРЕСНО

Парижскіе снимки съ натуры

Только оригиналы, высылаемъ каждому интереснѣйш. пр.-кур., въ закрытомъ конвертѣ, по получ. 7 коп. марки. Адресъ: „Фотосъ“, г. Лодзь Главн. почтамтѣ. С.

ФОТО

графія артистическія снятыя съ натуры для художниковъ и любителей прекраснаго. 5 красивыхъ снимковъ, форматъ для альбома или стереоскопа и 48 образчиковъ съ каталогомъ — 3 р. кр. билетами. Русский каталогъ отдѣльно 40 к. почт. м. Сортированныя коллекціи отъ 5 руб. и выше **Р. ЖЕННЕРТЪ,** Барселона (Испанія) отъ Calle Padua.

ПАМЯТЬ

укрѣпляетъ ЛИЧНО и ЗАОЧНО (въ 10 ур.)

ПРОФЕССОРЪ МНЕМОНИКИ, ЧЛЕНЪ ПАРИЖ. АКАД.,

С. ФАЙНШТЕЙНЪ, ОДЕССА, Жуковская 22/319.

Посред. метода преподав., основ. на закон. псих., физиол., логики и педаг., ПАМЯТЬ возвращается потерявшимъ ее, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую и лучшей у облад. хорошей; причемъ устраняется разсѣянность, укрѣпляется воля, устран. лѣнь и улучшаются всѣ умственныя способности у лицъ всяк. возр., нач. съ 8 л. до глубокой старости. Память укрѣпл. не гипнотизмомъ, не магнетизмомъ, не mesmerизмомъ, а только легкими и пріятными умственными упражненіями, основ. на законахъ асоп. идей. Свою систему, пользующ. всемир. извѣстностью и трижды преміер. Парижск. Акад., преподав. въ Россіи уже болѣе 24 лѣтъ съ большимъ успѣхомъ, о чемъ свидѣтельств. лестные отзывы русскихъ и иностр. газетъ и многочис. благодарности (печат. во мног. газ. и журн.) учен.: гг. священ., врач., воен., юрист., педаг., студент. и мног. друг. офиц. и вполне компет. лиц., окончивш. курс. мнемоники. — Подроб. просп.—брош. (7-ой миллион.), содерж. копии отзыв., программу курса и т. п. высыл. за 7 к. марку (заказн.—за двѣ 7 к. м.) первый и единственный въ Россіи МНЕМОНИЧЕСКІИ ИНСТИТУТЪ проф. С. Файнштейна, ОДЕССА, Жуковская, 22/319. Пр. ежд. Проф. мнем. С. Файнштейнъ.

ВЕГЕТАНЪ

ГОЛОВНАЯ БОЛЬ

МИГРЕНЬ, НЕВРАЛГІЯ

ПРОХОДЯТЪ ПРИ УПОТРЕБЛЕНІИ НОВАГО ПРЕПАРАТА „ВЕГЕТАНЪ“
(магистра фармаціи И. Фризера).

Средство это абсолютно безвредно даже для лицъ страдающихъ порокомъ сердца, и не употребляйте при головной боли антипирина, пирамидона фенацетина и друг.

При головной боли употребляйте исключительно „ВЕГЕТАНЪ“ какъ безвредное средство. Цѣна коробки въ 24 лепешки 1 руб. 50 коп.

Пересылка по почтовому тарифу. Высыл. наложен. плат. изъ главнаго депо: Т-во Медицинскіхъ препаратовъ С.-Петербургъ, Невскій пр., 110.—22

ЛУЧШЕЕ ПРИ ГОЛОВНОЙ БОЛИ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ
на ежедневную политическую газету

5-й годъ изданія **РЪЧЬ** 5-й годъ изданія

издаваемую въ С.-Петербургѣ В. Д. Набоковымъ и И. И. Петрункевичемъ при ближайшемъ участіи П. Н. Милюкова и I. В. Гессена и при прежнемъ составѣ сотрудниковъ.

Особое вниманіе обращено на отдѣлъ извѣстій изъ провинціи. (имѣется болѣе ста корреспондентовъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи: на годъ—12 р.—к. на 9 м.—9 р.—к. на 6 м.—6 р.—к. на 5 м.—5 р. 10 к. 4 м.—4 р. 15 к. 3 м.—3 р. 15 к. 2 м.—2 р. 15 к. 1 мѣс. 1 ру. 10 к. За границу: на годъ—20 р.—к. 9 м.—15 р. 75 к. 6 м.—11 „—, 5 м.—9 р. 50 к. 4 м.—7 р. 75 к. 3 м.—6 р. „—, 2 м.—4 р. „—, 1 м.—2 р.

Льготная подписка (при непосредств. обращеніи въ главную контору): 1) Для сельскихъ священниковъ, учителей, крестьянъ, рабочихъ, фельдшеровъ, приказчиковъ, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к. 2) Служащимъ въ правит., обществен. и торгово-промыш. учрежденіяхъ при коллективной подпискѣ черезъ казначеевъ и дѣлопроизвод. — 10% скидки. 3) Книгопродавцамъ, кіоскамъ, агентамъ и др. посредникамъ по приему подписки—5% скидки.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб. Ул. Жуковскаго 21. №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія высылаются бесплатно.

ЕЛКА ПО ПОЧТѢ

Болѣе 21-й тысячи семей получили къ прошлому Рождеству наши коллекціи украшеній для ёлки и подарки изъ Москвы по почтѣ, безъ хлопотъ и лишнихъ расходовъ.

ИЗЯЩЕСТВО и ДЕШЕВИЗНА КОЛЛЕКЦІЙ ОБЩЕИЗВѢСТНЫ. РАСХОДЫ ПО ПЕРЕСЫЛКѢ и УПАКОВКѢ ВЪ ЕВРОПЕЙСК.

РОССІЮ ЗА СЧЕТЪ ФИРМЫ,

въ Азіатскую добавляется по таксъ.

ВЫСЛІНА БЕЗЪ ЗАДАТНА.

- Коллекція А изъ 106 предм. 1 р. 90 к.
- Коллекція В изъ 155 предм. 2 р. 50 к.
- Коллекція С изъ 218 предм. 3 р. —
- Коллекція D изъ 276 предм. 4 р. —
- Коллекція E изъ 316 предм. 5 р. —

- Коллекція F изъ 409 пр. 8 р., кол. G изъ 465 пр. 10 р., кол. K изъ 622 пр. 15 р., кол. L изъ 722 пр. 20 р., кол. M изъ 908 пр. 25 р., кол. N изъ 1200 пр. 40 р. съ пересылкой.

Новость! Наборъ изъ 20-ти красивыхъ бездымныхъ фейерверковъ для ёлки. Цѣна 85 к.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ БАЗАРЪ

И. ГЛАЗУНОВА, Москва, Столешниковъ пер., № 8.

БЕЗПЛАТНО описаніе коллекцій и иллюстриров. каталогъ подарковъ и новостей.

БЕЗСМѢННЫЙ.

Мой грозный шагъ звенитъ въ вѣкахъ,
Мое копьѣ всегда готово,
Въ моихъ желѣзныхъ кулакахъ
Спитъ сила въ холодѣ суровомъ.

Я съ каждымъ годомъ все расту
На океанахъ и на сушѣ,
Желѣзнымъ льдомъ сковалъ мечту
И мощью тѣла проклялъ души.

Не разъ подъ ратный барабанъ
Я шелъ на окрикъ воеводинъ
Громить сосѣдей—христіанъ
И воевать за Гробъ Господень...

Мнѣ все равно—Неронъ иль Киръ,
И кто враги—свои иль мавры...
Я ишагалъ весь божій міръ
И, съвѣ ужась, билъ въ литавры.

Сильнѣ правды и идей—
Мое копьѣ—всему развязка.
Стою безсмертный средъ людей,
А Вѣчный Миръ далекъ, какъ сказка...

Мой грозный шагъ звенитъ въ вѣкахъ...
Въ лицо земли вонзилъ я шпоры!
Въ моихъ желѣзныхъ кулакахъ
Всѣ духи ящика Пандоры.